

Экран и сцена —
2006. — май (№ 17-18) —
916.

Яков РОХЛИН

Александр Володин

Из рукописи «Воспоминания о себе.
Опыт автобиографии»

...В мае 1956 года я впервые встретил Александра Володина. Произошло это более или менее случайно. Прочитав однажды тоненькую книжку его рассказов, И.И.Шнейдерман* увидел в ней перо драматурга. В то время завлит Академического театра имени А.С.Пушкина, он посоветовал А.Володину заняться пьесой. Тому только этого было и надо, он робел перед тайной и величием театра и нуждался в толчке. Вскоре он принес в театр «Фабричную девчонку». Там устроили читку, прошла она вяло. Л.С.Вивьен** дремал, худсовет был озадачен. Пьесу хвалили, но автор скис. Друзья посоветовали показать пьесу Дине Шварц, завлиту БДТ имени М.Горького. Дина пьесу недооценила, предложила ее мне, сказав, что при некоторой доработке тут может получиться что-то вроде «Где-то в Сибири», товстоноговского спектакля, имевшего лет восемь назад большой успех. В то время Дина, уходя из театра имени Ленинского Комсомола, унесла, конечно, репертуарный портфель, труппа простаивала, ничего не репетировалось, я метался в поисках пьесы. «Фабричная девчонка» не просто оказалась кстати, она была подарком судьбы. Вскоре я звонил автору, воодушевив его своим настроением. Он нехотя обрадовался, но говорил что-то о долге перед театром имени Пушкина и о том также, что должен посоветоваться с женой. Вскоре мы встретились, а в феврале 1957 года театр сыграл премьеру.

Александр Володин — тема большая. Ее не исчерпать попутным очерком, разве что книгой, и только искусственные причины и преграды могут объяснить, почему такой книги до сих пор не существует. Яркое вспыхнув в нашем театральном процессе, он более 25 лет назад осветил его «на диво». Со временем, войдя также в кинематограф и постоянно обновляясь, чутко различая движение времени, он и сейчас работает с той же силой и свежестью.

Публика тех лет узнала его почти без помех и приняла с энтузиазмом. На зрительской конференции по поводу «Пяти вечеров» в БДТ имени М.Горького (это была вторая премьера А.Володина) один рабочий парень с «Электросилы» предложил вообразить, что из нашего обихода изъяты зеркала и мы потеряли представление о собственном образе. И вдруг узнали, что есть такое зеркало в театре на Фонтанке. Удивительно ли, что все бросились туда! И не обманулись!

Впрочем, «помехи» начались вскоре же, уже с «Фабричной девчонки», расколовшие критику надвое. На одном из театральных совещаний ответственный сотрудник Министерства культуры высказался откровенно: да, мы знаем, что «Сын века» слабая пьеса (фальшивая производственная однодневка, поставленная в Академическом театре имени Пушкина). Но мы ее поддержали. А что прикажете поддерживать? Не «Пять вечеров» же?

Так, между этими двумя взглядами более 25 лет движется работа А.Володина.

Александр Володин — комедиограф по преимуществу. Его коллизии поэтически смещены и парадоксальны, порою трагичны, но всегда полны великолепного юмора. Его лица подчас гротескны, непредсказуемы по формам поведения, но всегда живы и узнаваемы. Его воображение стремится к фантастике и этим путем достигает на редкость достоверных и глубинных отражений, казалось бы, хорошо знакомой и при этом внезапно и впервые открытой нам жизни.

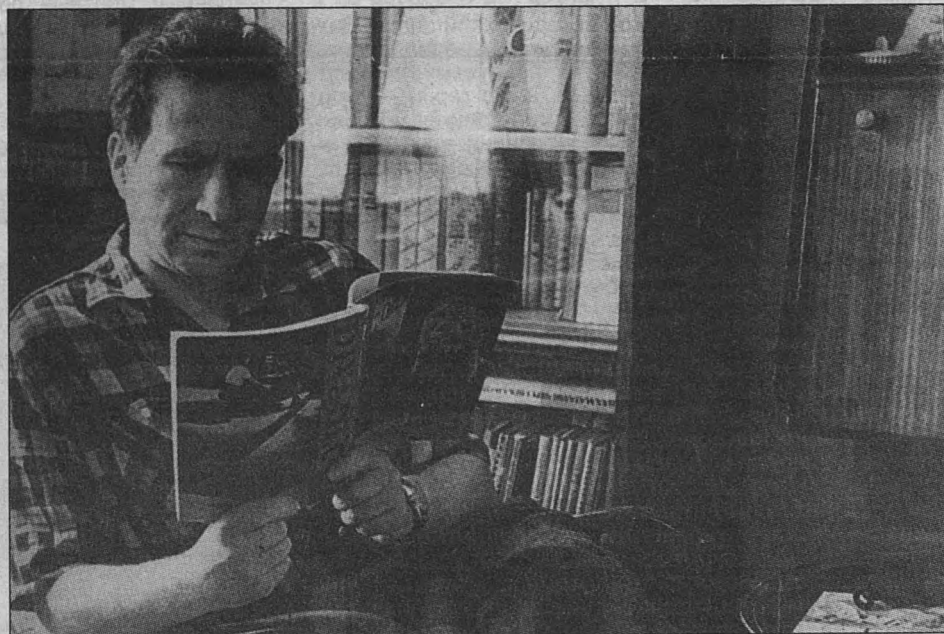
Поэтика его пьес и сценариев органична и кажется простой. Между тем, она сложна и многосоставна, хотя и неделима на составные. Сам А.Володин называет три из них: правда, поэзия, юмор. Можно было бы добавить еще кое-что. Например, силу очень личного человеческого сочувствия, которая приобретает характер силы поэтической. Или притягательную силу незаурядной личности, которую он обнаруживает обычно в людях непрестижной номенклатуры (их принято называть простыми людьми). Они составляют устойчивую тему его драматургии. Едва ли не все главные его лица так или иначе сделаны из собственного духовного материала. Эти лица — как мужского, так и

В середине 80-х, когда началась перестройка, в издательском деле произошли неожиданные и быстрые перемены. Ленинградское издательство «Советский писатель» предложило мне написать книгу об Александре Володине. Еще за несколько лет до этого такая возможность была бы невероятной. Собирая материал, я встречалась с разными людьми, а однажды в доме Володина познакомилась с Яковом Нисоновичем Рохлиным, о котором Александр Моисеевич всегда говорил как о самом дорогом ему человеке. Разговорились о будущей книге, и Рохлин предложил мне прочитать рукопись его воспоминаний, в том числе главу о Володине. Получив разрешение, я оставила себе копию. В сущности Рохлин поделился сугубо авторской концепцией творчества драматурга. И потому этот текст остался в моем архиве. В книге, вышедшей в 89-м, я привела лишь воспоминание Рохлина о совместной работе с Володиным на «Ленфильме», где он назвал писателя выдающимся редактором, как он определил, «строющим», свободным от укоренившихся штампов — «он ощущал возможности вещи».

Они были погодками — Володин родился в 1919-м, Рохлин — в 20-м. Оба фронтовики. Рохлин до войны учился на историческом факультете Ленинградского университета, потом перевелся на второй курс театроведческого в Театральный институт. Своим главным учителем считал Владимира Давидовича Днепровца, преподававшего эстетику. Когда началась кампания по борьбе с космополитами и Днепровца арестовали, Рохлина выгнали из института, хотя он уже вел самостоятельные занятия по эстетике.

В 1961 году Рохлина пригласили на «Ленфильм» главным редактором III творческого объединения. Членом редсовета был Александр Володин. Их отношения продолжались более тридцати лет. Рохлин ушел из жизни в 1988-м. Через десять лет в одном из интервью Володин сказал о нем:

«В Петербурге был у меня близкий друг — Яша Рохлин. Он просто недооцененный в жизни человек. К нему все приходило за советом, он был мудрым человеком, с ним я мог делиться своими бедами. Он прожил жизнь безупречно чистой. Я спрашивал, были ли у него самого какие-нибудь грехи и ошибки, он отвечал: «а как ты думаешь, конечно!». И я решал, ну, уж если у такого человека грехи и ошибки, то мне и сам Бог велел. Увы. Его уже нет».

женского пола — его духовные двойники. От этого его драматические изображения проникнуты лиризмом, они бывают поразительны по степени искренности, по одновременной интимности и полной беспощадного юмора откровенности. Лица его пьес и сценариев похожи на своего автора еще и тем, что в первом подходе они непосредственны и наивны и лишь затем обнаруживают глубину личности, присутствие оригинального ума и духовной культуры. На фоне драматургии тех лет, да и последующих также, володинский демократизм казался вызывающим и должен был коробить иерархический вкус.

Драматургия Володина жизнелюбива при том, что удерживает в поле своего зрения глупости, нелепости и несовершенства жизни. Какова бы ни была жизнь, она у нас одна, другой не будет, и надо находить возможность быть плодоносящими и счастливыми — это едва ли не отправной момент его

творчества. Этот взгляд вроде бы идет навстречу официальной установке на оптимизм, но он носит столь личный и независимый характер, что исключает возможность совпадения и тем самым в особенности раздражает поборников казенной установки. Принципиальные оптимисты, они именно в этом его жизнелюбии ощущают чуждое дыхание, тем более опасное, что оно встречает живой отклик публики.

Его драматургия содержит в себе некий неформализованный нравственный комплекс, самобытный, человеческий, чувственно выраженный и обладающий редкостной влияющей силой. Однажды (28 июня 1982 года) Володин встречался во Дворце молодежи с публикой. Ему задавали вопросы, он отвечал. Вскоре после этого к нему домой явилась молодая женщина, сказала, что он открыл ей глаза, что она неверно жила и только теперь это поняла. Она оставила букет гвоздик и тут же, не назвав себя, ушла.

Странный этот визит характерен и в более широком аспекте, напоминая другой, столь же необычный визит.

1954 году вышла книжка его рассказов — первая его книжка. Вскоре к нему домой — он с женой и сыном ютился тогда в крошечной комнатке коммунальной квартиры — явился крупный красивый мужчина преклонных лет. Он отказался углубиться дальше прихожей (не зная, конечно, что этим вывел из затруднения ошеломленного автора) и сказал, что прочитал книжку, которая произвела на него глубоко нравственное впечатление, что ее автор настоящий художник и что он затем и явился, чтобы это сказать. С тем попрощался и ушел. Это был Назым Хикмет.

Александр Володин создал свой мир, свою действительность, до смешного похожую на нашу и, кажется, еще более действительную, чем она (верный признак настоящего поэта!). В этом мире бывают плохие люди, чаще сбитые с толку и всегда есть хорошие, которым живется трудно. Благополучие тут — верный знак бездуховности, благополучные — всегда под нравственным сомнением. Но освещен этот мир юмором и надеждой.

Володин, как сказано выше, постоянно обновляется. Трудно поэтому подыскать всему одну объемлющую характеристику. Во многих последних вещах мир его является нам шире, всемирнее, в нем острее и опаснее трудности жизни, и трагедийная тема звучит глубже и напряженнее. Но это — тот же художник, тот же почерк, тот же узнаваемый володинский мир.

При всех ограничениях, которые постоянно преследовали его, Александр Володин оказал ощутимое влияние на наш театр и многих видных людей — иногда явное, иногда скрытое и неосознанное.

Та встреча с ним, которая произошла с лишком 25 лет назад, очень много значила для меня. Он оказался самым одаренным и самобытным человеком из всех, кого я знал, и стал одним из самых близких мне людей.

Я был достаточно подготовлен в то время, чтобы понять и оценить его искусство и воспринять его влияние. Но я не представлял себе, что это влияние будет столь долговременным и глубоким. Наши отношения сразу сложились как отношения сотрудничества. Я полюбил в нем художника, он доверился мне как понимающему читателю. Я стал одним из первых, а часто и первым — вслед за женой его Фридой — читателем его новых вещей, его неформальным редактором. И мне кажется, что в некоторых случаях мне удавалось быть ему полезным. Скажу кстати, что много лет впоследствии работал редактором, и ни с кем не работал так легко и с таким удовольствием. Тут было счастье ощущение контакта, мои сомнения и пожелания, если они принимались, схватывались с полуслова, и то, что потом дополнялось или изменялось, почти всегда оказывалось выше того, что я ожидал или мог вообразить.

Со всем тем оказалось, что мы — друзья. Это сложилось само собой, и дружба эта никогда не омрачалась. Напротив, с годами становилась теснее и естественнее — так что кажется, будто она была всегда. Володин по характеру общителен и с легкостью, недоступной для меня, входит в новые контакты. Но при этом болезненно чувствителен к отношениям, которые связывают его, лишают того признака независимости, которым он дорожит, кажется, больше всего на свете. Из-за этого многие его содружества оказывались не особенно близкими или нестойкими. Нас это не коснулось. Наша дружеская связь — мне кажется, я могу это сказать — всегда оставалась живой взаимной потребностью, и для меня это составило одну из самых дорогих ценностей моей жизни.

*Шнейдерман Исаак Израилевич (1910 — 1991) — театровед и киновед, автор книги «М.Г.Савина» и др.

** Вивьен Леонид Сергеевич (1887 — 1966) — артист, режиссер, руководитель Ленинградского академического театра имени А.С.Пушкина.

Публикация Татьяны ЛАНИНОЙ

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Издание осуществляется при государственной финансовой поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Газета сверстана в компьютерном центре «Экрана и сцены». Дизайн и верстка Веры Канделаки. Тел. 609-00-46, e-mail: screenstage@mtu-net.ru

Отпечатано в ООО ИД «Медиа-Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Индекс 50182. Тип. № 602918.

Адрес редакции: 107031, Москва, Страстной бульвар, 10. Факс: (095) 609-00-46. Телефон секретариата: 609-00-46.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. «Экран и сцена» выходит по четвергам. Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистрационный № 1144.

Учредитель: АНО ЕГ «Экран и сцена». Цена свободная. Подписано в печать 17.05.06 г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.